

*Государственный вузов
А.Н.Толстого*

ВОКРУГ ТОЛСТОГО

В. МИКУЛИЧ

ТЕНИ ПРОШЛОГО

К КУЧОВО
ПОЛЕ

Москва 2020

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)
М59

Тексты печатаются по изданиям:
В. Микулич «Тени прошлого», С.-Петербург,
Тип. Т-ва А. С. Суворина, 1914
В. Микулич
«Мимочка. Очерк», С.-Петербург,
Издание М. М. Ледерле и К°, 1892
Научный редактор Л. В. Гладкова

Микулич В.
М59 Тени прошлого: Воспоминания; Мимочка: Повести / Коммент.
Ю. В. Прокопчука, М. К. Тюнькиной. — М.: Государственный музей
Л. Н. Толстого; Кучково поле Музеон, 2020. — 304 с. ; 16 с. ил.

ISBN 978-5-907174-18-4

В книгу вошли мемуары В. Микулич (псевдоним Л. И. Веселитской) «Тени прошлого» (1914), посвященные встречам писательницы с Л. Н. Толстым и его семьей в Ясной Поляне и в московском доме Толстых в Хамовниках, а также две ее повести «Мимочка — невеста» (1883) и «Мимочка на водах» (1891), объединенные в 1892 году в одном издании под общим заглавием «Мимочка». Толстой был восхищен свежестью и оригинальностью «Мимочки на водах», где фоном романической истории служат колоритные картины курортной жизни Железноводска и Кисловодска конца 1880-х годов.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)

Издательская программа
Фонда «Связь эпох»

На фронтисписе:
Л. И. Веселитская-Микулич

© Государственный музей
Л. Н. Толстого, 2020
© Ю. В. Прокопчук, М. К. Тюнькина,
комментарии, 2020
© ООО «Кучково поле Музеон»,
оригинал-макет, издание, 2020

ISBN 978-5-907174-18-4

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Микулич</i>	
ТЕНИ ПРОШЛОГО	6
МИМОЧКА	133
I. МИМОЧКА — НЕВЕСТА	134
II. МИМОЧКА НА ВОДАХ	164
КОММЕНТАРИИ	253

ТЕНИ ПРОШЛОГО

Во мне толку было мало, и вся жизнь моя был бред¹. Но среди этого бреда мне доводилось близко подходить к замечательным людям моего времени, о которых я могла бы теперь рассказывать моим внукам, сидя у камина и пошевеливая догорающие угли.

Вспоминается мне, как прихожу к себе в комнату на даче в Павловске и вижу на столе письмо от Суворина*, только что вернувшегося из Ясной Поляны. Он пишет мне по поручению Льва Николаевича Толстого, который сказал ему: «Передайте ей, чтобы она года два ничего не печатала. А то наши писатели как начнут хорошо, их начинают рвать во все стороны. Они принимаются писать без удержу, и ничего из них не выходит...»

Меня тронуло внимание великого писателя. Незадолго до этого я познакомилась с Т. А. Кузминской, сестрой его жены. Мы встретились у П<ознанск>их на чтении «Крейцеровой сонаты» в рукописи. Общество собралось довольно фешенебельное.

Услыдав эпиграф «А я вам говорю: кто смотрит на женщину с вожделением...», нарядная madame Т. произнесла насмешливо:

— Belle exorde!..²

А когда чтение окончилось, все говорили:

— Mais qu'est-ce qu'il veut? Qu'est-ce qu'il veut?..³

Видя, как я заглядываюсь на Татьяну Андреевну, хозяйка дома пригласила меня пообедать с ней, после чего

¹ Стихотворение Майкова «Дурочка Дуня»*. *Примеч. автора.*

² Прекрасное вступление!.. (фр.)

³ Но чего он хочет? Чего он хочет?.. (фр.)

мы обменялись визитами. Татьяна Андреевна рассказала мне много интересного о жизни Льва Николаевича и его семьи, о его дочерях Тане и Маше. В заключение она сообщила, что почти каждое лето проводит в Ясной Поляне, и звала меня приехать в гости к ней. Но я не поехала.

Осенью, вслед за письмом Суворина, приехала ко мне издательница «Северного вестника» Любовь Яковлевна Гуревич*. Она только что побывала в Ясной Поляне и была всецело под обаянием великого человека и его семьи. Она говорила: «Я точно прожила три дня среди действующих лиц “Войны и мира” и “Анны Карениной”, до такой степени все там казалось мне близким и давно знакомым. О вас спрашивали. Отчего вы к ним не едете?»

И по уходе ее, набравшись храбрости, я написала Льву Николаевичу*.

Татьяна Андреевна сама принесла мне его ответ, очень довольная тем, что может меня порадовать.

Письмо Льва Николаевича:

«Вы не пишете мне ни вашего отчества, ни адреса; но я пишу все-таки через Татьяну Андреевну и без обращения, так я рад был получить ваше письмо. Очень жаль, что вы не приехали летом; мы бы лучше познакомились, чем письменно. То, что вам передавал Суворин о моем восхищении перед вашей повестью*, наверное только в малой степени выражает то, как она мне нравится. Очень интересно, что вы напишете теперь. И по правде скажу, очень боюсь. Надо, чтобы было очень, очень хорошо, чтобы было не хуже “Мимочки”. А “Мимочка” по тону своему так оригинальна, что следующая вещь не может уже быть похожа на нее по тону. Какой же будет тон следующей — тоже особенный, оригинальный или простой — языком автора? Все это меня интересует.

Интересно мне тоже ваше отношение к монаху Варнаве*. И еще более ваша мечта пойти с котомочкой на богомолье. Я нахожу, что это не только не странно и смеш-

но, но гораздо более естественно, чем в шляпе и ротонде* пойти по Невскому.

Желаю вам мира с людьми и любви к ним и от них и как можно более серьезного религиозного отношения к своему писанию: т. е. чувствовать, что делаешь это больше для Бога, или скорее перед Богом, чем перед людьми.

Лев Толстой»

Гуревич познакомила меня с Волынским (Флексе-ром)* и с моим близким соседом Н. С. Лесковым. Оба оказались пламенными почитателями Толстого и принялись усердно снабжать меня его последними сочинениями, и запрещенными, и не запрещенными. Я узнала о Бондареве и о Сютяеве*, прочла книгу о жизни*, о деньгах*, критику догматического богословия* и Евангелие...*

Лесков преклонялся перед Толстым и называл его своей святыней на земле. «Я обязан ему более чем покоем земной жизни, — говорил он, — я принял его разумение жизни, в нем успокоился и свой фонаришко бросил. Он уже не нужен мне, раз я вижу перед собою яркий маяк и знаю, чего держаться».

Лесков побывал уже в Ясной Поляне и вывез оттуда прекрасные впечатления. Он говорил: «Это удивительно простая семья, в которой всё можно сказать, потому что там и сами всё говорят, и главное — всё понимают». Он любил самого Льва Николаевича, его сына Льва и дочерей Татьяну и Марию, но высоко чтит и графиню, которой, по его словам, «меч проходил душу»*. Ему нравилась и наружность графини, и ее искренность и откровенность. Он часто говорил: «Мы должны быть ей благодарны. Она нам сохранила его!» — Из дочерей он предпочитал Татьяну, находил ее умной и привлекательной и желал ей выйти замуж за губернатора. О Марии же он говорил: «Я не понимаю ее; но в присутствии ее мне хочется сказать: “Выйди от меня... я человек грешный”»*.

Глубоко преклоняясь перед Толстым, Лесков насмешливо относился к его последователям, называл их «лепетунами», беспощадно придирался к их словам и поступкам

и рассказывал о них анекдоты. Видя, что я интересуюсь толстовцами, он пригласил как-то бывшего толстовца А. М. Хирьякова*, и вдвоем они принялись рассказывать мне биографии всех известных им толстовцев. Я наскоро записывала в тетрадку их рассказы, но, перечитав дома записанное, увидела, что это все карикатуры. И я все разорвала, нимало не сочувствуя такому насмешливому отношению к последователям Толстого.

Уцелела у меня случайно только страничка о Сютаеве. Вот что рассказал Хирьяков об этом близком Льву Николаевичу сектанте. «Память адаманта. Выучил наизусть Апокалипсис и Евангелие. Маленький старичок, 38 лет отсидевший в тюрьме. Знал нравы попов и бесить их умел мастерски. Говорил, что в тюрьме люди отличные, ожесточенные. Пришли в тюрьму озлобленные, возвратились Божьими работниками. В тюрьме Сютаев многим помогал и всех учил. Не велел жениться. Детей не крестить». В последнюю побывку Хирьякова в Ясной Поляне он застал там старика-сектанта. Утром Сютаев вышел с Ванечкой и говорит: «А я недоволен Львом Николаевичем. Он лукавствует... Запирает свое...» И ушел в трактир чай пить. Прямо из Ясной Поляны Сютаев отправился к императору в Гатчину. «Хочу рассказать ему, как его обманывают». Сел на машину и доехал до Гатчины. Там его приняли два жандарма».

Крестьянин Новоторжского уезда Тверской губернии Сютаев отделился от православия после смерти своего ребенка. Священник не соглашался хоронить дешевле полтинника, а у Сютаева было только тридцать копеек. Он похоронил ребенка сам, отстал от Церкви и других стал отговаривать, занялся чтением Библии и составил группу последователей, которые отрицали современные власти, отрицали подати, суд и участие в военной службе (все то, что отрицал и Лев Николаевич). Когда восторгается Божественная правда, все будет общее, исчезнет разделение на народы, убийства прекратятся и будет царство сютаевцев на земле. В короткое время число последователей Сютаева возросло до тысячи человек. Лев Николаевич очень

заинтересовался стариком и его воззрениями, которые так сходились с его собственными.

В начале марта 1893 года я получила как-то записку от Лескова: «Здесь старик Ге*, старый и умный друг Льва Николаевича, единого духа с ним. Он хочет очень побеседовать с вами. Для сей цели 9 марта, в 12 часов дня, на Фурштатдской будет сервирован чай с маслинами. Прилетят и жаворонки».

Я пошла на чай с маслинами. Словоохотливый седовласый художник вышел мне навстречу в переднюю и с места назвал меня дорогим другом. Он поэкзаменовал меня относительно знакомства с учением Толстого и очень настаивал на том, чтобы я, не откладывая, съездила в Ясную Поляну.

Вскоре после этого, уезжая в Киев, где сестре моей* делали операцию, я написала Марье Львовне, спрашивая: могу ли на обратном пути заехать к ним? Последовало приглашение, которым я решила воспользоваться.

Прибыв к вечеру в Тулу, я переночевала в гостинице Чернышева и утром 12 мая поехала на извозчике в Ясную Поляну. Утро было чудное. В небе ни облачка. Кое-где по оврагам и канавам еще белели прохладные пятна снега, но тут же рядом зеленели свежие всходы. Жаворонки журчали свои чистые песенки. По дороге мы то встречали, то обгоняли группы богомолков и богомольцев с котомками и посохами. Они здоровались и кланялись. Мир казался мне раем, до того было чудно все, что было у меня перед глазами.

Мой извозчик Трофим, сморщенный седой старичок, спросил: не родня ли я графу? Он о нем слышал, но бывать у него на дворе ему еще не приходилось. Я спросила: знают ли в Туле Льва Николаевича и что о нем говорят?

— Знать-то все знают, а говорят — разное говорят. Говорят, что он вроде как бы чудака. Господин богатый, а ходит просто и работу тоже простую какую делает. Видно, хочет всякое состояние узнать. Как Петр Великий!

Вчера Трофим в первый раз портрет Петра Великого видел.

— Вот человек был. Царь был, а плотником работал, челны мастерил, корабли строил, до всякого дела сам доходил, в поте лица хлеб ел, честный человек был! Ну, и состояние всякое узнал. А ему и надо. Конечно, коли ты людьми правишь, ты и знай, кем ты правишь. Я конем, скажем, правлю. Так я коня моего знаю, и конь меня знает... А то как же...

Трофим долго разговаривал с своим конем, чтобы доказать, как он хорошо его знает; потом он снова обернулся ко мне и задумчиво вымолвил:

— А только, так сказать, хоть ты и всякое состояние узнаешь, а того, что там будет (он показал кнутом на небо), — не узнать. Не дано...

Спускаясь к железнодорожному мосту, мы услышали, что нам строго кричат что-то. Невдалеке гарцевал конный жандарм. Оказалось, что в виду ожидаемого проезда императора Александра III с семьей* не дозволено подъезжать к мосту. Трофим, поворчав в седую бороду, стал препираться с остановившим нас мужичком.

— Да чего ты, дедушка, — спокойно возразил тот, — по своей, что ль, я охоте? Тоже не больно весело тут с утра не емши стоять. Приказание!

Жандарм подскочил к нам, чтобы выслушать прения сторон. Трофим взмолился:

— Ваше высокоблагородие! Барыня с зонтиком... Изволите видеть...

И он повторял это «Барыня с зонтиком», пока жандарм не махнул рукой, говоря: «Проезжайте!»

Когда дорога стала подниматься в гору, мы оба пошли пешком. И так хорошо было идти тропинкой вдоль дороги, в тишине весеннего утра, что я даже забывала о моем волнении по поводу предстоящей встречи. Трофим обратил мое внимание на колодезь, который сколько ни засыпают, вода все бежит... Он снял шапку и перекрестился, поравнявшись с этим колодцем.

Поднялись на гору. Дорога пошла ровная, легкая.

— Ну, садись, барыня, недалече теперь.

И темные ели засеки, казалось, тоже уже говорили мне: близко, близко... Сон свершится наяву. Невозможное

станет возможным. Я увижу Николеньку Иртеньева, увижу Левина! Я увижу Льва Толстого!..

Все ближе и ближе. Ясная Поляна, простая, открытая и приветливая, как и сами Толстые, уже перед нами. Вот и усадьба, и сад с вековыми липами, и ограда, и две башенки. Трофим въезжает в ворота. Сердце мое начинает усиленно биться. Это не сон. Я в Ясной Поляне. Боже мой, я в Ясной Поляне! Лев Толстой! Лев Толстой!

Слева светится пруд, в котором, крикая, плещутся гуси и утки, справа в отдалении виднеется белая лошадь и работник в красной рубахе.

Трофим подкатывает к крыльцу у белого дома. Сейчас же подходят ко мне девица в красном платье, с красным зонтиком и высокий старик в круглой черной шапочке. Это Ге и Татьяна Львовна.

По близорукости я не сразу узнаю старого художника. Но он развязно подходит ко мне, как старый знакомый. А Татьяна Львовна, внимательно разглядывая меня веселыми умными глазами, говорит:

— Вы В<еселитска>я, не правда ли?

Я спрашиваю ее о Марье Львовне.

— Маши нет. Она уехала в Самару. Она очень жалела, что с вами не увидится. Но она уехала на кумыс с больным братом. У нас Лева болен. Больше у вас нет вещей? Их снесут в вашу комнату. Вы будете жить у Маши. А теперь пойдемте к мамá. Она сейчас уедет в Тулу с Андрюшей, но пока она еще здесь.

Говоря это, Татьяна Львовна ведет меня по деревянной лестнице наверх. Ге поднимается за нами. Я говорю:

— Я боюсь графини.

— И ее? — насмешливо спрашивает Татьяна Львовна. — Не бойтесь.

Мы входим в большую светлую комнату. У входа рояль. На противоположной стене несколько портретов предков. Посередине стол с самоваром и чашками. Одновременно с нами, но из другой двери, входит графиня, стройная, свежая, моложавая, в черной юбке и черной шелковой блузочке с белыми полосками и отделкой

из черного кружева. Она чуть-чуть начинает сесть. Лицо у нее доброе и симпатичное, очень живые черные глаза.

Она наливает мне кофе и говорит:

— Мы о вас слышали от моей сестры, Татьяны Андреевны. Вы познакомились у П<ознанских>?

Говорим о П<ознански>х.

Англичанка вводит в комнату толстенькую круглолицую Сашу и нежного кудрявого Ванечку. Ему пять лет, Саше годом или двумя больше*. Дети садятся против меня и тоже пьют кофе, молча поглядывая на меня.

Ге спрашивает меня о Лескове и о том, с кем из толстовцев он меня познакомил.

Я спешу сказать, что хотя я большая почитательница Льва Николаевича, но я — не толстовка.

— Позвольте пожать вашу руку, — говорит мне графиня с радостной улыбкой.

— А кого вы знаете из толстовцев? — спрашивает Татьяна Львовна.

— Познакомилась я только с Бирюковым*; но по рассказам знаю Ругина*, братьев Алехиных*, Горбунова*, Новоселова*, Черткова*, Трегубова*, Калугина*, Клопского*, Хилкова*, Сопоцько...*

Ге начинает перебирать всех этих людей единого духа. Он умиляется при имени каждого и всех превозносит до небес:

— Замечательная личность!.. глубокое понимание, преданность учению... А вы знаете, что он сделал?..

Графиня всех порицает: тунейдцы, приживальщики, переряженные, ничего не делают...

— А вы знаете, как их наша прислуга зовет? Господа ленивые... И верно.

Татьяна Львовна в своих отзывах держится середины между этими двумя крайними мнениями. Она кажется мне необыкновенно милой и привлекательной в своем красном летнем платье, с золотыми часиками на короткой золотой цепочке вокруг шеи. У нее манеры, выговор, интонация светской девушки высшего круга. И мать, и дочь хорошо и модно одеты и причесаны. По внешности обе — не толстовки.

Это напоминает мне сетования Лескова по поводу того, что в толстовском движении нет женщин. Я говорю об этом.

Ге восклицает с негодованием:

— Как их нет? Что он говорит!.. Да одна Маша стоит нескольких.

И старик начинает с увлечением восхвалять ее.

Графиня соглашается с тем, что Маша очень добра. Она всегда живет для других. Вот и теперь она уехала с больным братом!..

— Изумительная девушка! — твердит Ге. — Вы знаете, что она делает? Встанет в четыре часа утра, всем в доме сапоги перечистит...

Графиня хвалит еще жену Черткова*. Тоже толстовка и вегетарианка. Очень милая женщина, только все, бедняжка, хворает.

О самом Черткове графиня отзывается тоже очень благосклонно и сочувственно и прибавляет:

— И его мне жаль. Ходит толстый, красный...

— Не пора вам ехать, мамá? — говорит Татьяна Львовна.

— Лошади не поданы.

И графиня рассказывает мне еще, что ее дочерям столько работы при отце, что, если б они вышли замуж, пришлось бы нанять посторонних для секретарской работы. Вот и теперь ему очень Маши недостает. Он сказал вчера: «Точно я замуж ее отдал».

— Ну-с, — обращается ко мне Татьяна Львовна, — отца вы не увидите до завтрака. Он работает.

Но дверь с лестницы открывается, и на пороге показывается необыкновенный человек с необыкновенным лицом и удивительными глазами. Неслышно ступая сапогами без каблучков, он подходит ко мне, и мы здороваемся. Вижу блузу, пояс, руки, седую бороду, большой лоб, густые брови, живые пронизательные глаза. Слышу его голос, добрый, мягкий, серьезный. Соединить все это в одно и понять, что это и есть Лев Толстой, мне еще трудно.

Сначала лицо его кажется мне только умным и строгим; но вот он улыбается, и улыбка придает его лицу вы-

ражение доброты и мягкости. Пока он спрашивает меня о Киеве и об операции сестры, графиня, Ге и Татьяна Львовна поглядывают на меня, как бы спрашивая взглядом:

— Ну, что, каков наш?

Сказав, что мы увидимся и побеседуем за завтраком, Лев Николаевич возвращается к своей работе. Ге сообщает мне, что он доканчивает свое «Царство Божие»*. Замечательная, сильная книга.

Мы встаем из-за стола. Графиня уезжает с сыном в Тулу к зубному врачу. Дети с англичанкой давно уже ушли на станцию посмотреть царский проезд. Татьяна Львовна предлагает мне и дедушке (Ге) пройти туда же. Кстати и почту захватим.

Погода дивная. Мы идем опушкой леса. Татьяна Львовна находит два сморчка, после чего совершенно забывает о нашем существовании и начинает молчаливо и сосредоточенно искать в траве. Ге спрашивает меня о Владимирском соборе, о Прахове, о Васнецове, Нестерове, Котарбинском*, вспоминает и перебирает и другие русские соборы, критикует Исаакиевский и восхищается Казанским; потом переходит к импрессионистам и заканчивает Рафаэлем и Перуджино*. От времени до времени он подзывает и увлекающуюся сморчками Татьяну Львовну и говорит:

— Послушайте-ка, это и вам интересно.

Узнаю, что Татьяна Львовна незаурядная художница.

Идем не спеша, болтаем, отдыхаем, останавливаемся и, когда приходим на станцию*, узнаем, что поезд уже прошел, дети его видели и давно ушли. Татьяна Львовна забирает газеты и почту, и мы идем обратно.

Ге устал и отстаёт от нас. Теперь Татьяна Львовна идет со мною и рассказывает мне о себе и о Маше.

— Я много выезжала в Москве, когда была помоложе. Маша в то время тоже выезжала на детские балы. Она влюблялась, обманывала гувернантку, не была примерной. Но с шестнадцати лет она стала лучше понимать то, что говорит отец. Теперь она хорошая работница, хорошо стирает и все сама делает. Она строгая вегета-

рианка, как и отец, и, как отец, отказалась от своей доли имущества при общем разделе*. Из всей семьи только отец и Маша не обеспечены средствами и на свои необходимые расходы получают от графини. Семья живет на так называемые книжные деньги, на доход от изданий. Все же, чем владел Лев Николаевич, разделено теперь поровну между детьми. Одна Маша совсем отказалась от собственности.

Татьяна Львовна не стыдится еще отрезать купоны* и тратить их на себя, хоть и знает, что это совершенно то же, что брать деньги от мужиков непосредственно. Она надеется, что со временем это станет для нее невозможным, но пока у нее еще так много прихотей и потребностей, что они заслоняют от нее суть дела. В этом отношении сестра впереди нее. Вообще Маша очень хороший человек. Она чутка к чужим страданиям, самоотверженна, деятельна. Но влюбляется по-прежнему и, по словам Татьяны Львовны, она большая кокетка, никого не оставляет в покое и всякому умеет влезть в душу.

Я говорю Татьяне Львовне, что по первому впечатлению мне жаль графиню. Видно, что все они сплочены, воодушевлены новым учением, а она одна в стороне и в своем собственном доме живет под впечатлением постоянного отпора.

— Это верно, — соглашается Татьяна Львовна, — но ведь ей принесится столько жертв! Столько жертв, которых она не замечает или не хочет замечать. Когда дочери живут здесь с отцом без нее, у них все идет ровно и гладко. А графиня сама создает себе отдельную жизнь...

— Это грустно, — говорю я. — Теперь она еще держится за вас, за дочерей; а когда вы выйдете замуж, ее положение здесь будет очень трудным.

Татьяна Львовна говорит на это, что они никогда не выйдут замуж. Они, естественно, требовательны, это раз. А второе: они могут выйти только за последователей отца, а среди них нет такого...

Я советую взять по сердцу хотя бы и не последователя и сделать его последователем...

II

МИМОЧКА НА ВОДАХ

— Мимочка худеет, Мимочка бледнеет, Мимочка скучает...

Мамап тревожится и суетится; Спиридон Иванович кряхтит и хмурится; баби ревет и капризничает...

Таков в общих чертах строй жизни Мимочки, — а ведь как было хорошо началось!..

Прямо из-под венца молодые уехали за границу. Доктора давно посылали Спиридона Ивановича на воды, и еще до встречи с невестой у него положено было съездить летом за границу. Неожиданная женитьба не изменила заранее принятого решения, и, взяв трехмесячный отпуск, Спиридон Иванович уехал с молодой женой в Виши.

Ехали с возможным комфортом, и Спиридон Иванович был так заботлив, так внимателен дорогой, что Мимочка должна была сознаться в том, что с ним еще лучше и удобнее путешествовать, чем с мамап. Положим, по приезде в Париж она была все-таки утомлена и, главное, так энервирована, так энервирована, что целый день плакала и подумывала уже о том, не лишит ли себя жизни, так как ей казалось, что больше ей ничего не остается. Париж был мрачен, страшен, отвратителен... Солнце померкло. И дождь лил, лил, лил... И она плакала, плакала... Слезы эти, конечно, смущали несколько Спиридона Ивановича, но что ж ему было делать, в самом деле?.. Дождь — так дождь! на все Божья воля... И он только барабанил по столу пальцами и сердился на прислугу.

Но когда молодые приехали в Виши, где их ждала заранее приготовленная для них уютная квартирка с балконом на людный бульвар, когда они вкусно и сытно пообедали в этой веселенькой светлой квартирке и когда они наконец распаковали свои сундуки и чемоданы, — все стало опять хорошо и весело. Мимочка увидела, что как бы

то ни было, а жить еще можно и, может быть, будет еще и очень приятно. Она отерла слезы и занялась развешиванием своих новых платьев.

Потом послали за доктором. Пришел молодой черноглазенький француз, красивый и говорливый. А как он говорил по-французски, — Царица Небесная, как он говорил! Да что доктор! Все, все кругом, начиная с седовласого хозяина меблированных комнат и кончая Жозефом, четырехлетним сыном портье, все были так любезны, изящны, живы, веселы... Мимочке казалось, что она приехала на родину. Аптекарь, к которому молодые сейчас же по приезде зашли за ревенем и магниезией, был как две капли воды похож на *jeune premier*¹ Михайловского театра, так что Мимочка даже покраснела, когда Спиридон Иванович, получив свою магниезию, принялся расспрашивать молодого человека еще о каких-то снарядах... А почтальон был очень похож на знакомого куафёра с Большой Конюшенной.

Спиридон Иванович немедленно и с полным усердием приступил к своему лечению. Он любил и умел лечиться. Не довольствуясь пунктуальным исполнением предписаний пользующего его врача, он совещался потихоньку и с другими врачами, совещался и с больными, с которыми знакомился в ваннах и у источников, совещался с аптекарем и другими своими поставщиками, накопил груды медицинских книг, брошюр и лечебников, накопил врачебных вин и лекарств по газетным объявлениям, каждый день находил в себе новую болезнь и так подробно, так многозначительно излагал доктору свои болезненные ощущения, что молодой француз, выслушивая его с глубокомысленным и вежливым участием, в то же время не без нежного сострадания поглядывал украдкой на бледную, хорошенькую Мимочку и, покручивая концы шелковистых усов, говорил ей взглядом: «Бедняжка! И так мила!..»

Спиридон Иванович решил лечить и Мимочку от малокровия и нервов. Матап так просила его об этом! И Мимочка стала пить *source Mesdames*^{*}, и брать ванны, и по-

¹ жен-премьера, героя-любовника (фр.).

хаживать по парку. Но так как ее лечение было все-таки менее сложно и серьезно, чем лечение Спиридона Ивановича, то у нее оставалось еще много свободного времени, которое она посвящала разглядыванию прохожих и разглядыванию своих новых платьев. И то, и другое занятие было ей по сердцу, и она не скучала. Сезон был из удачных, из блестящих. На водах был Штраус, была Патти^{*}, был английский государственный человек с женой, американский богач с дочерьми, а сколько кокотов, сколько аристократов!.. Было много романов, два-три скандала... Погода стояла чудная, жаркая, пожалуй даже слишком жаркая. Но зато какие прогулки, какие кавалькады вечером по берегу Алье, какие концерты и танцевальные вечеринки в казино! Конечно, Мимочка ни с кем не знакомилась — общество на водах так смешано! — но и вчуже забавно было поглядеть на чужие туалеты, на чужие интриги. Вообще ей было весело. И в ответ на письма кузины Зины и подруг ее, трех сестер Полтавцевых, которые спрашивали ее, счастлива ли она, Мимочка писала: «Так счастлива, так счастлива... *Jamais je ne me suis tant amusée qu'à Vichy. Figurez-vous...*»¹ и т. д.

Время летело и пролетело быстро и незаметно. Курс лечения Спиридона Ивановича кончился. Он похудел, но чувствовал себя бодрее и здоровее. Мимочка тоже расцвела и похорошела на чистом воздухе южной Франции. Оставался еще месяц отпуска. Спиридон Иванович предложил жене на решение, где провести этот месяц: в Италии, в Швейцарии, в Париже?.. Брошюрка доктора Сулигу^{*} рекомендовала для последовательного лечения тихий уголок Швейцарии, но Мимочка предпочла Париж. Спиридон Иванович охотно подчинился этому решению, и, щедро заплатив квартирной хозяйке, черноглазенькому доктору и прочим, молодые уложили свой багаж и вернулись в Париж, где и начался настоящий медовый месяц. Спиридон Иванович получил к этому времени кругленькую сумму от своего арендатора, и Мимочка блаженство-

¹ Никогда я так не забавлялась, как в Виши. Представьте себе... (фр.)

вала, покупая направо и налево все, что ей нравилось... О, ее медовый месяц!.. Стояли они в дорогом и хорошем отеле. Утром генерал вставал первый и, напившись кофе, читал русские и французские газеты, а Мимочка долго еще нежилась в постели. Потом она вставала, когда хотела, и не спеша приступала к своему туалету. Каждый день у нее было новое мыло, новые духи, туалетные воды, помады. А каких чулок, ботинок, подвязок накупила она себе!.. О, ее медовый месяц!..

Одевшись, Мимочка выходила к мужу, который целовал ее надушенную ручку, задерживая ее в своей, и подставлял ей для поцелуя свою лоснящуюся лысину. Они завтракали котлетками в папильотках*, омаром и ордеврами¹ и, подкрепив силы, шли гулять или ехали кататься, осматривали музеи, окрестности... Перед обедом Спиридон Иванович возвращался в номер и ложился спать, а Мимочка ехала за покупками и покупала, покупала... Потом обед, а после обеда театр, цирк, *café-concert*²... Спиридон Иванович хорошо знал Париж именно со стороны увеселительных заведений, и так как он держался того мнения, что за границей порядочная женщина может ходить всюду, потому что ее никто не знает, то он водил жену и в «Мабиль»*, и в «Бюлье»*, и во всякие «Эльдорадо»*, чтобы показать ей кокетку и с того, и с этого берега Сены...

Справив таким образом медовый месяц, молодые вернулись в Петербург с опустевшим кошельком, с возросшим числом чемоданов и картонок, с запасом забавных и приятных воспоминаний, с упрочившимися дружескими отношениями.

Все родные встретили Мимочку с распростертыми объятиями. Теперь это была уже не бедная невеста, которую тетушки не прочь были осадить и унижить при случае... Теперь это была генеральша, дивизионная командирша, жена почтенного и обеспеченного человека, дама со свежими туалетами из Парижа, с положением в свете.

¹ От фр. *hors d'oeuvre* — закуска.

² кафешантан, кабаре, варьете (фр.).

Вслед за положением в свете Мимочка не замедлила приобрести и так называемое «интересное» положение. Надо сказать правду, что последнее положение было довольно тягостно, и если бы татап и Спиридон Иванович не ухаживали за ней как за богиней, кажется, Мимочка наложила бы на себя руки. Но когда кончилось все мучительное и неприятное, когда наследник Спиридона Ивановича, заняв предназначенное ему место в мире печали и слез, принялся оглашать своими воплями генеральские хоромы и когда Мимочка встала и поправилась, у нее было хорошо на душе — и она была довольна. Довольна и тем, что похорошела и пополнела, и тем, что у нее все-таки есть уже свой настоящий, живой бэби, тогда как подруги ее, три сестры Полтавцевы, все еще рисуют на фарфоре и поют итальянские арии и цыганские романсы в тщетной надежде привлечь этими ариями кого-нибудь, кто бы дал им «une position dans le monde»¹ и живого настоящего бэби.

А у Мимочки есть уже и то, и другое. И хотя все три сестры Полтавцевы, приезжая к Мимочке, любясь бэбичкой и целуя взасос его пухлые ручки и ножки, и говорят в один голос, что они понимают только брак по любви и что ни одна из них не выйдет иначе как по любви, — Мимочка отлично знает, что это фразы и что, подвернись тогда Спиридон Иванович не ей, а им, — все три сейчас же пошли бы за него. Шутка ли? Командует дивизией, и целая дивизия смотрит ему в глаза. А что еще ждет его впереди? Карьера Спиридона Ивановича далеко не кончена... Глупо было бы отказаться от такой партии.

Отчего же теперь, на шестой год замужества, Мимочка скучает? Отчего она худеет и бледнеет? Чего ей недостает? У нее есть семья. С нею ее сын, ее муж, ее мать. У нее есть деньги, есть экипажи, есть ложа в Михайловском театре. Чего ей еще? Мимочка и сама не знает, чего

¹ положение в свете (фр.).

она хочет. Ничего ей не нужно. Ей просто надоело жить. Ей совсем, совсем все равно: жить или умереть. Умереть? Да хоть сейчас! Она так и говорит, и бедная татап не может слышать этого без слез и вздохов. Она видит, что дочь просто больна, что она тает, что она с каждым днем становится раздражительнее, слабее... Матап умоляет Мимочку посоветоваться с доктором Варяжским* (татап верит в него как в Бога). А Мимочка упрямится, сердится, говорит: «Ah, laissez donc! je me porte à merveille! Je suis tout-à-fait bien!»¹ И татап вздыхает, а Мимочка худеет и бледнеет.

Тетушки тоже озабочены переменою в наружности Мимочки.

— Но как Мими дурнеет! — говорит тетя Софи. — И с чего это она все хворает?

— Старый муж, — коротко замечает тетя Мари.

— Ну, можно ли так смотреть на вещи? — с упреком говорит тетя Жюли. — И потом: старый, старый... Enfin elle a un enfant. Qu'est-ce qu'elle a à se plaindre?²

— Annette думает, что это роды ее так истощили, роды, и хлорофированье, и...

— Вот старину вспомнили! Напротив, она тогда так поправилась.

— А я убеждена в том, что она просто от безделья хворает, — строго говорит тетя Жюли. — Ведь она целыми днями палец о палец не ударит. Возьмите, у меня Зина: и обед закажет, и чай разольет; потом идет к Гизье, потом поет вокализы... Каждая минутка у нее занята. И посмотрите, какой у девочки цвет лица, как она здорова. Говорят: Петербург, Петербург... Вздор! Везде можно быть здоровой. А Мимочка... Да веди я такой образ жизни — я бы давно умерла.

И тетушки говорят правду. Мимочка дурнеет, Мимочка скучает, Мимочка ничего не делает. Матап так

¹ Ах, оставьте! Я прекрасно себя чувствую! У меня все великолепно! (фр.)

² В конце концов, у нее есть ребенок. На что ей жаловаться? (фр.)

нежно любит ее, что всякое занятие, хотя бы самое простое и легкое, считает непосильным и обременительным для Мими. Все заботы по хозяйству, все заботы о ребенке татап взяла на себя, предоставляя Мимочке кататься, одеваться, выезжать и принимать. Сначала было эти занятия и удовлетворяли Мимочку, но теперь и они ей постыли. Да и ничто уже ее не удовлетворяет... Говоря словами Шопенгауэра, — она потеряла аппетит к жизни...*

И рядом с овладевающей ею апатией в ней нарастает инстинктивное раздражение против татап и Спиридо-на Ивановича — раздражение, близкое к антипатии. Она не знает, чем они ей мешают, чего ее лишают. Она только знает, что с каждым днем они становятся все более и более чуждыми и тягостными ей. Она смутно чувствует, что тут же подле нее они создали себе жизнь, в которой им тепло и привольно и в которой она запуталась и бьется, как муха в паутине. И не выкарабкаться ей из этой паутины, потому что соткана она из нежнейшей заботливости о ней же. Едет ли она в театр, на вечер — непременно или татап, или Спиридон Иванович сопутствуют ей, и она не может сказать слова, сделать шага, который не был бы им известен и не вызвал бы их комментариев. Мимочка видит, что Спиридон Иванович просто ревнует ее, — конечно, даже и тетушки замечают это. Но он не хочет в этом сознаться, и свое недоверие маскирует словами: «так-де не принято»... «это неловко»... «так не делается»... И делается все так, что Мимочке жизнь с каждым днем становится все более и более постылой.

Матап и Спиридон Иванович скоро сжились и сдружились. Они понимают друг друга с полуслова. Служба Спиридона Ивановича, его смотры, комиссии, проекты живо интересуют татап, которая, еще живя с покойным папá, сроднилась с военным делом. Мимочке же все, относящееся к служебной деятельности мужа, кажется глупым и скучным. Ей кажется, что он только нарочно болтает перед татап: «Комиссии, ре-орга-ни-за-ци-я... Со штыком или без штыка...» А татап притворяется, будто ей это интересно! Кроме разговора о службе, у них есть еще

разговор о воспитании детей, которого она тоже слышать не может. Мимочка знает, что, как ни воспитывай детей, какие книжки ни читай, все равно дети будут кричать и пачкать пеленки, а потом капризничать и не слушаться. И никаких теорий не нужно. Нужна хорошая няня, а для этого нужны хорошие деньги. Чего же они переливают из пустого в порожнее?

Но хуже всего, невыносимее всего — это их разговор о политике. Политика — *bête-noire*¹ Мимочки. Она в газетах читает только последний лист, потому что ее интересуют покойники и объявления о распродажах, а татап и Спиридон Иванович осиливают всю газету от А до Z; затем каждый день за обедом пережевывают передовую статью. Эти толки о Бисмарке, о Вильгельме, об Италии и Австрии*, о скучнейшей Болгарии — непременно сведут с ума Мимочку или сведут ее в могилу. Что ей Кобургский, что ей Баттенберг?!* Ей двадцать шесть лет; ей бы теперь надо жить, смеяться, радоваться, а не сидеть здесь, между седой татап и лысым Спиридоном Ивановичем, который сопит, и харкает, и плюет, и подливает себе в вино *amer pison**. И Мимочка, сердясь на Баттенберга, капризно отодвигает от себя тарелку с котлетами, которые опротивели ей, как и все у нее в доме, и говорит: «*Encore ce Battenberg! Il m'agace à la fin!*»²

И татап вздыхает, а Спиридон Иванович хмурится.

Вот Нетти Полтавцева вышла замуж за молодого человека, — положим, за легкомысленного и ненадежного молодого человека, — но как они живут, Боже мой, как они живут! Правда, что они проматывают капитал, и старики Полтавцевы со страхом и неодобрительно покачивают на это головами. Правда, что поклонник Нетти как бы крепче и крепче прирастает к дому, так что многие уже, говоря о нем, многозначительно улыбаются; правда, что и сама Мимочка вслед за татап и тетками повторяет, что Нетти на опасной дороге; правда, что и сама Мимочка,

¹ предмет ненависти (*фр.*).

² Опять этот Баттенберг! Он меня просто бесит! (*фр.*)

по совету тети Жюли, умышленно опаздывает сроком при отдаче визитов Нетти, — но что ж из этого? зато Нетти веселится, Нетти живет... Нетти одевается эксцентрично, Нетти ездит в оперетку, в маскарады, в рестораны, смеется над всем и всеми и довольствуется мужским общением. О ней много говорят и нехорошо говорят; но она смеется и над этим. Муж терпит, и все терпят... И вокруг Нетти жизнь и веселье играют и искрятся, как шампанское, которое не сходит у нее со стола.

Прежде Мимочка была ее подругой; но теперь татап и Спиридон Иванович наложили veto на эту дружбу. Они находят Нетти слишком легкомысленной и видят тут дурной пример для Мимочки. И Мимочка не отдает ей визитов, потому что, конечно, раз она на опасной дороге... Но Мимочке очень жаль, что она на опасной дороге, потому что, не будь она на опасной дороге, ей было бы так весело у Нетти... Она все-таки добрая, эта Нетти, и так смешно болтает, и такая бойкая... Да что Нетти, Мимочке и у трех сестер Полтавцевых веселее, чем у себя дома. Они поют, играют, танцуют, мечтают... Они всегда влюблены, всегда говорят о капитанах и поручиках, о поклонниках Нетти... У них есть мечты, надежды, планы на будущее; у них все впереди. А она? Чего ей ждать? На что надеяться? Жизнь исчерпана. Иллюзий никаких. Она знает жизнь, знает людей, знает, что такое брак, что такое эта пресловутая любовь — *une horreur!*¹ И тетя Мари еще говорит ей: «Смотри, не влюбись!» Ей — влюбиться! Да ей и жить-то не хочется... И лучшие годы ушли, ушли безвозвратно... Она уже старуха. Ей двадцать шесть лет. Да, конечно, это — старость... Она чувствует себя такой старой, старой, такой отжившей...

И Мимочка скучает, и Мимочка худеет и бледнеет.

К весне нервное расстройство ее доходит до такой степени, что, когда в один прекрасный вечер Спиридон Иванович предлагает дамам на обсуждение вопрос, где им провести лето: в деревне или на даче, — с Мимочкой делается

¹ ужас (*фр.*).

В. МИКУЛИЧ

ТЕНИ ПРОШЛОГО

МИМОЧКА

Редактор *Марина Тюнькина*
Дизайн *Марина Миллер*
Верстка *Любовь Комаровская*
Корректор *Марина Тюнькина*

Подписано в печать 30.01.2020

Формат 125 × 200 мм

Печ. л. 9,5

Заказ №

Фонд поддержки межмузейного
коммуникационного пространства
и культурно-образовательных
программ «Связь Эпох»
123376, Москва,
ул. Красная Пресня,
д. 28, стр. 2, оф. 305
fond@svyazepoh.ru
<https://svyazepoh.ru/>

ООО «Кучково поле Музеон»
123376, Москва, ул. Красная Пресня,
д. 28, стр. 2, оф. 305
Редакционно-издательский отдел:
+7 499 253 90 01
Отдел реализации:
+7 495 256 04 56 (доб. 1)
kpolemuzeon@gmail.com
www.kpole.ru

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Тел.: 8 (499) 270-73-59; sales@chpd.ru; www.chpd.ru